

Қ.Н. Жаппарқұлова , М.Е. Касымжанова*

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: honey_marjan95@mail.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПРОЗЫ Е. ЗАМЯТИНА В СВЕТЕ ДИАЛОГА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Целью данной статьи является исследование метафоризации художественной прозы Е. Замятина. В статье был использован историко-функциональный метод, позволяющий анализировать художественный контекст писателя с точки зрения его социально-исторической составляющей, а также сравнительно-текстовый метод, дающий возможность сопоставить произведение писателя с русской классической литературной традицией и западными образцами.

Методика рецептивной эстетики позволила сосредоточиться на актуализации и конкретизации художественного контекста Е. Замятина и выявить авторскую стратегию и эстетические приоритеты писателя.

Метафоризация является одним из важных средств воссоздания художественного мира в произведениях Е. Замятина. Метафора в его прозе многофункциональна, способна передавать эмоции и душевные переживания героев, их отношение к окружающему миру и в то же время является эффективным средством, передающим авторскую идею и замысел произведения в целом.

Метафора в произведениях Е. Замятина приобретает сквозной характер и отражает внутренний мир героев с самых разных ракурсов и позиций. Объемность метафоры позволяла читателю воспринимать личность героя во всей сложности и многогранности его психологических состояний.

Художественный нарратив Е. Замятина привлекал исследователей интегральностью художественных образов, которая достигалась при помощи синтеза и сведений отдельных деталей и мотивов в единое смысловое целое. Процесс интегрирования метафоры происходил путем приобретения ею «знаковой абстрактности через утрату адекватности ее первоначального смысла». Трансформируясь в определённый символ, метафора приобретала многомерность и становилась знаком, «обладающим своей внутренней семантикой». Каждая метафора в творчестве Е. Замятина характеризуется целостностью своей структуры и находится в тесной взаимосвязи с другими художественными средствами построения литературного контекста.

Писательский талант Е. Замятина стал предметом пристального внимания не только российских филологов, но и вызвал глубокий интерес в Англии и США.

Западная критика называла писателя непревзойденным сатириком и стилистом. Они отличали интеллектуальность и уникальный индивидуализм русского писателя. Они определяли ее творческий метод как синтез реалистических и нереалистических тенденций, а также единство принципов реализма и символизма.

Ключевые слова: интеллектуальная игра с читателем, семантическое поле литературного текста, интертекстуальность, гротескная картина мира.

K.N. Zhapparkulova, M.E. Kassymzhanova*

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: honey_marjan95@mail.ru

Metaphorization of E. Zamyatin's prose in the light of the dialogue between East and West

Purpose of this article includes investigation of metaphor's function in the literary heritage by E. Zamyatin. The science research involves historical-functional method of analyzing the artistic context from the point of view of its socio-historical component. The using of the comparative-textual method contributes the comparing creativity the works by E. Zamyatin with the Russian classical literary tradition and Western literary works is represented as well.

The method of receptive aesthetics made it possible to focus on the actualization and concretization of the artistic context of E. Zamyatin and to identify the author's strategy and aesthetic priorities of the writer.

The structure of Zamyatin's narrative is distinguished by a high degree of metaphORIZATION, and metaphors can reflect the state of mind of a certain character through the prism of his perception of the surrounding reality, and, on the other hand, be that figurative means through which the author expresses his personal position.

The metaphoric plot of the artistic narrative of E. Zamyatin is based on metaphors-antitheses, when there is a semantic transition of one metaphor in the text into the semantics of another.

The personality and work of E. Zamyatin have become the subject of not only critical articles, but also quite deep research in England and the USA.

Western critics called the writer an unsurpassed satirist and stylist. They were distinguished by the intellectuality and unique individualism of the Russian writer.

The creative manner of E. Zamyatin was also associated with the term «modernism». Western researchers considered the Russian writer not only an innovator in the field of structure and stylistics of artistic narrative, but also a deep adherent of great humanistic principles.

Key words: the pictorial potential of the metaphor, intelligent game with the reader, semantic field of a literary text, intertextuality, grotesque picture of the world.

Қ.Н. Жаппарқұлова, М.Е. Касымжанова*

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: honey_marjan95@mail.ru

Шығыс пен Батыс арасындағы диалог аясында Е. Замятин прозасының метафоризациясы

Бұл мақаланың мақсаты – Е. Замятиннің көркем прозасының метафоризациясын зерттеу. Мақалада жазушының көркемдік мәнмәтінін оның әлеуметтік-тарихи құрамдас бөлігі тұрғысынан талдауға мүмкіндік беретін тарихи-функционалды әдіс, сонымен қатар жазушының шығармасын орыс классикалық әдеби дәстүрімен және Батыс үлгілерімен салыстыруға мүмкіндік беретін салыстырмалы мәтіндік әдіс қолданылды.

Рецептивті эстетика әдісі Е. Замятиннің көркемдік контекстін өзектендіруге және нақтылауға бағыттап, автордың стратегиясы мен жазушының эстетикалық басымдықтарын ашуға мүмкіндік берді.

Замятиннің баяндаушының құрылымы метафоризацияның жоғары деңгейімен сипатталады, ал метафоралар белгілі бір кейіпкердің психикалық жағдайын қоршаған шындықты қабылдау призмасы арқылы көрсете алады, ал екінші жағынан, автор өзінің жеке позициясын білдіретін бейнелі құрал бола алады.

Е. Замятин кейіпкердің мінезін көрсететін және оны көрудің әртүрлі бұрыштарын кесіп өту арқылы көлемді ететін метафораларға жүгінді, осылайша оқырманның әртүрлі психологиялық күйлердегі кейіпкердің жеке басының күрделілігі мен әмбебаптығын қабылдау әсеріне қол жеткізді.

Интегралды кескін – бұл Е. Замятин, жеке компоненттерді синтездеу, жалпылау және біртұтас тұтасу арқылы пайда болатын құрылымдық элемент. Метафораның интеграциясы оның бастапқы мағынасының жеткіліктілігін жоғалтуды және айқын абстрактілікті алуды қамтиды. Белгілі бір белгіге айналған метафора Семантиканың көп өлшемділігін алады және жалпы құрылымның белгілі бір тұтастығына ие және оны құрайтын элементтердің өзара байланысы бар символға айналады.

Е. Замятиннің тұлғасы мен жұмысы тек сыни мақалалардың ғана емес, Англия мен АҚШ-тағы терең зерттеулердің тақырыбына айналды.

Батыс сыншысы жазушыны ерекше сатирик және стилист деп атады. Олар орыс жазушысының ақылдылығы мен ерекше даралығымен ерекшеленді. Олар оның шығармашылық әдісін реалистік және реалистік емес тенденциялардың синтезі, сондай-ақ реализм мен символизм принциптерінің бірлігі ретінде анықтады.

Е. Замятиннің шығармашылық тәсілі де «модернизм»терминімен байланысты болды. Батыс зерттеушілері орыс жазушысын көркемдік баяндаудың құрылымы мен стилистикасы саласындағы жаңашыл ғана емес, сонымен бірге ұлы гуманистік принциптердің терең жақтаушысы деп санады.

Түйін сөздер: метафораның кескіндік потенциалы, оқырманмен интеллектуалды ойын, көркем мәтіннің семантикалық өрісі, интертекстуалдылық, әлемнің гротескілік суреті.

Введение

Творчество Е.Замятина относится к одному из сложнейших исторических периодов России XX столетия, когда страна оказалась вовлеченной в круговорот гражданской и мировой войн, непримиримой классово-идеологической борьбы и жесточайшего социального эксперимента, который на глазах всего русского народа безвозвратно разрушал казавшиеся незыблемыми основы государственности и общественного миропорядка.

Будучи инженером-кораблестроителем Е.Замятин подолгу жил в Англии, занимаясь конструированием ледоходов для российского флота. Особенности его профессии давали ему возможность непосредственно наблюдать нарастающее движение западного технического прогресса и сопоставлять его тенденции с перспективной развития собственной страны.

Реальные наблюдения над российской и западной действительностью привели писателя к выводу о том, что технический прогресс и провинциальная отсталость могут в равной мере способствовать формированию бездуховной личности, если меркантильные соображения материального благополучия превалируют над потребностью нравственного и душевного развития.

Обращение к литературному наследию Е.Замятина объясняется тем, что в его творчестве отразились основные этапы литературной эпохи, принадлежащей к XX столетию и давшей мировой культуре богатейшие завоевания в области художественного слова.

Е. Замятин много размышлял о секретах художественного творчества и технике писательского мастерства. Эти размышления нашли отражение «в целом цикле его статей «Цель», «Я боюсь», «О синкретизме», «Новая русская проза», «О сегодняшнем и современном», «О литературе эволюции и энтропии», «Закулисы». (Замятин «Мы», 1994)

Размышления Е.Замятина о писательской работе нашли также отражение в его лекциях по технике художественной прозы, которые он читал в 1918-1921 годах в Народном Университете в Лебедеви, в педагогическом институте им. А.Г. Герцена, а также в студии петроградского Дома Искусств» (Давыдова, 2000: 93).

Е.Замятин «разработал свою собственную теорию сюжета, исходя из основного тезиса, что основой любой темы и авторского замысла художественного произведения должна быть не не-

кая надуманная история, а сама реальная жизнь» (Полякова, 2000: 215).

Е.Замятин был уверен, что разворачивающаяся перед ним действительность с ее кардинальными переменами и социальными экспериментами мирового масштаба сама способна подарить художнику материал, который ему только останется облечь в нужную художественную форму.

Е.Замятин отстаивал положение о том, что в художественном творчестве центральное место должен занимать реальный прототип его современника. Этот герой должен предстать перед читателем во всей многогранности его внешних проявлений, глубине внутреннего мира и сложности его отношений с действительностью. Исследование архитектоники и стилистических особенностей литературных текстов русского писателя дает возможность определить специфику художественного нарратива Е.Замятина и изучить рецепцию его литературных текстов в русле коммуникативного подхода, успешно развивающегося в современной филологической науке.

Актуальность заявленной в статье темы, посвященной мифологизации художественной прозы Е.Замятина, объясняется попыткой определить ее новаторские тенденции, находящиеся в общем русле русской повествовательной традиции двадцатого столетия.

Научная новизна исследования состоит в попытке целостного анализа роли и функции художественной метафоры с опорой на конкретные характеристики художественного нарратива писателя.

Методы и материалы исследования

Материалом для исследования послужило литературное наследие Е.Замятина. С точки зрения количественной характеристики материала были отобраны только художественные произведения писателя, а с точки зрения качественной характеристики в оборот литературоведческого исследования был взят роман «Мы» и так называемые «английские» повести Е.Замятина.

Методология исследования включала формулировку и ответ на исследовательский вопрос, насколько метафоризация определяет технику писательского мастерства Е.Замятина и каковы возможности этого художественного приема в структуре его литературного текста.

Выдвигаемая гипотеза заключается в том, что метафора входит как главный конструктивный элемент в художественную ткань литера-

турных произведений Е. Замятина и приобретает функции образного воссоздания художественной действительности.

Научная методология изучения заявленной темы включала в себя несколько этапов. Первый этап состоял в изучении научных работ, посвящённых эволюции художественного метода писателя в контексте развития литературного процесса начала XX века.

Предметом анализа стали литературоведческие работы, касающиеся исследования в художественном наследии Е. Замятина принципов реализма, импрессионизма, модернизма, влияние на его прозу русской классической традиции, а также восприятие писателем технического прогресса и индустриализация человеческого социума.

Следующим этапом было изучение научных работ, посвящённых более узким аспектам творчества Е. Замятина. В этих исследованиях освещаются особенности стиля писателя, синкретизм его прозы, ее диалогическая основа, функция художественной детали, многолинейность развития сюжета и стиховое начало повествовательной структуры его литературных текстов.

Третьим методологическим этапом было изучение специфики метафоризации художественного нарратива Е. Замятина, собственно отвечающее цели, заявленной в статье. На этом этапе исследовались сквозные метафоры, соотношение в метафоре общего и частного, использование библейской мифологии, метафоризация собственных имен, а также выявление в замятинском повествовании перевернутых метафор в концепте «одушевленного-неодушевленного», исследование градации метафоры, ее цепочной структуры и общего концепта метафоризации как авторского способа воссоздания гротескной картины мира.

В процессе изучения литературного материала был использован историко-функциональный метод, который помог анализировать замятинский художественный контекст с точки зрения его социально-исторической эпохи.

Сравнительно-текстологический метод исследования позволил анализировать произведения Е. Замятина с точки зрения их корреляции русской классической литературной традиции и последующим западным образцам, а также уяснить специфику своеобразия художественного нарратива писателя.

Метод рецептивной эстетики дал возможность определить установку авторской позиции

на восприятие читательской аудитории и ее возможности постижения авторского замысла.

Применяемые методы и методологии позволили прийти к заключению, что метафоризация является в художественной прозе Е. Замятина важнейшим художественным приемом, благодаря которому «авторская идея получает большую степень глубины своей реализации в структуре художественного контекста» (Эдвардс, 1999: 117)

Обзор литературы

Можно с уверенностью утверждать, что в России и за рубежом сохраняется стойкий интерес к личности и творчеству Е. Замятина. Довольно основательно изучаются архивные материалы, содержащие его личную переписку и черновики произведений, а также публикуются отдельные статьи и научные работы, посвященные его литературному наследию.

Активно действует Тамбовский центр по изучению творчества Е. Замятина, а 2004 год был юбилейным для Е. Замятина, так как отмечалось 120 лет со дня его рождения. В ознаменование этой памятной даты в Ягеллонском университете Польши был открыт филиал Центра по изучению его творчества, а также представительство этого центра в Швейцарии.

Представители российской и западной литературоведческих школ предложили интереснейший критико-литературоведческий материал, раскрывающий различные аспекты рецепции художественного наследия Евгения Замятина.

Среди работ, посвященных творчеству писателя, прежде всего следует выделить исследования общего характера, раскрывающие значение творчества Е. Замятина в мировом литературном процессе. В этом аспекте довольно убедительно выглядит исследование Т. Давыдовой, которая раскрывает творческую эволюцию писателя в общем контексте развития русской литературы 1910-1930 годов (Давыдова, 2001). С этой точки зрения интересна работа Л. Поляковой, которая выясняет значение произведений Е. Замятина в координатах общего критического подхода к эволюции русского литературного процесса XX столетия (Полякова, 2000). Подобная тема развивается в работе А. Гилднер, где довольно удачно анализируется творческое наследие Е. Замятина с опорой на ведущие тенденции современного литературного процесса (Гилднер, 2000).

Работа американского исследователя Е. Мильтона посвящена анализу эстетических взглядов писателя и утверждает тезис о том,

что «тема замятинских произведений остается всегда актуальной и действительно находится в кругу современных вопросов сегодняшнего дня» (Мильтон, 2007: 135).

Следует также привести ряд исследований, которые посвящены литературоведческой науке находится также ряд исследований, которые посвящены творческому методу писателя. В работе В.Евсеева художественная проза Е.Замятина исследуется с точки зрения специфики авторской методологии и жанрового своеобразия (Евсеев, 2003). В научном труде И.Костылевой освещается синтез принципов реализма и импрессионизма, которые дают «импульс многовекторности интерпретации замятинской художественной прозы» (Костылева, 1994: 107). В работе С.Лаутона в интересном ключе анализируется связь авторской манеры писателя с эстетикой модернизма (Лаутон, 2007), что находится в русле современных американских исследований (Павлович, 2020)

Мифологическая основа художественного метода писателя исследуется в научном труде английского филолога К.Коллинса, который обнаруживает, что художественные миры отдельных произведений писателя вступают в контакт друг с другом и мифологемы, находящиеся внутри них, образуют сюжеты, развивающиеся в пространстве целой литературы. К.Коллинс также справедливо утверждает, что устоявшаяся мифологема приобретает у Е.Замятина яркие очертания символа современной ему эпохи (Коллинс, 2007).

В работе корейского филолога Ким Сонг Иля исследуется категория комического в структуре замятинской прозы и обнаруживается, что «комический подтекст подготавливается у Е.Замятина движением сюжетных коллизий, а подтекстные элементы наиболее выпукло проявляют себя в моменты, обусловленные наиболее острыми этапами развития художественного действия» (Сонг Иль, 1995: 17). Американский ученый Е.Браун убедительно доказывает, что стиль Е.Замятина обладает высокой степенью синкретизма, благодаря чему «смысловое ядро контекста движется от быта к бытию, от физики к философии, от анализа к синтезу» (Браун, 2007: 117). Такой подход находится в русле новейших американских исследований, которые исследуют «лингвистические содержательные факторы авторских интенций в художественном нарративе» (Уорнер, 2020:855)

Английский литературовед Р.Расселл был убежден, что Е.Замятин воспринимал развитие

технического прогресса и индустриализацию в целом относительно нравственного уровня и духовного состояния человеческого сообщества. По мнению писателя, пренебрежение последними в угоду бездумной механизации жизни неизбежно оборачивается тем, что личность «быстро скатывается в духовный примитивизм, не допускающий свободу воображения и широты восприятия действительности» (Расселл, 2016: 39).

В работе западного филолога С.Хойзингтона содержится интересное исследование пушкинского влияния на литературную манеру Е.Замятина, что еще раз подтверждает мысль о приверженности писателя русской классической традиции (Хойзингтон, 1993). Эта же мысль продолжается в работе Ло Ливея, в которой замятинская проза исследуется с целью выявления ее моральных и эстетических основ через идейно-философскую составляющую литературного наследия Ф.Достоевского (Ливей, 1994).

В литературоведении есть также научные работы, посвященные и более частным аспектам писательского мастерства Е.Замятина. В частности, в работе О.Зулиной дается обоснование принципов повествовательной структуры замятинской прозы (Зулина, 1996), а в исследовании М.Резуна внимание автора сконцентрировано на освещении поэтики малой прозы писателя (Резун, 1993).

В работе американского филолога Дж.Джозифа выявляется, что в произведениях Е.Замятина «подтекстная деталь играет роль детали сюжетной, дает мощный импульс его развитию, а также выступает как маркер качества взаимоотношений между отдельными персонажами произведения» (Джозиф, 1999: 31).

В исследовании английского филолога О.Кука отмечается, что в повествовании Е.Замятина происходит процесс «расчленения целого на отдельные значимые детали» (Кук, 2012: 93), а в саму структуру художественного нарратива заложен принцип синонимического параллелизма, который дополняется «приемом замедления развития художественного события с целью концентрации читательского внимания» (Кук, 2011: 197). В работе С.Воробьевой анализируется диалогическая основа повествовательного контекста Е.Замятина с точки зрения объяснения двойственной природы человека в целом. (Воробьева, 2001) Ее наблюдения дополняются исследованием Н.Скалона, в котором содержится анализ дуальных оппозиций отдельных героев в произведении Е.Замятина (Скалон, 2001).

В исследовании Т.Лахузена подчеркивается синтетичность природы замятинской прозы, которая основана на наличии математических моделей, встроенных в повествовательную структуру художественного контекста (Лахузен, 1994). Эта точка зрения развивается в работе западного исследователя Д.Ричардса, отмечающего, что «замятинские сюжеты заведомо предполагают несколько вариантов развития событий» (Ричардс, 2013: 93). В новейших американских исследованиях обосновывается эффективность принципа математического моделирования и обосновывается тезис о том, что он стал эффективным инструментом литературоведческого исследования. (Паренте, 2020, 21)

В работе американского филолога Т.Эдвардса комментируются основы выдвинутого Е.Замятиным «закона «эмоциональной экономии», в соответствии с которым наиболее напряженные моменты действия должны находиться не в начале, а в финале рассказа» (Эдвардс, 2012: 173).

Особенности стилистики прозы Е.Замятина находятся в поле зрения исследования Ю.Орлицкого, который анализирует стиховое начало в прозе писателя (Орлицкий, 2009).

В литературоведческих работах, посвященных Е.Замятину, анализируются также национальная природа его творчества. С этой точки зрения представляется довольно интересной научная работа Н.Желтовой, посвященная поэтике русского национального характера в творчестве Е.Замятина (Желтова, 1999), а также заслуживает внимания исследование Н.Аксеновой, в центре которого мужские образы в рассказе Е.Замятина «Ловец человек» (Аксенова, 2015).

Однако несмотря на довольно значительный накопленный опыт в исследовании литературоведческого материала, посвященного творчеству Е.Замятина, все же остаются некие пробелы, и с этой точки зрения исследование специального вопроса, посвященного принципам и способам мифологизации его художественной прозы, представляется актуальным и заслуживающим пристального внимания.

Результаты и обсуждение

Текстовый анализ художественного нарратива Е. Замятина дает повод утверждать, что его структура основана на органичном сплетении сказовой манеры подачи художественного материала и книжного стиля. В художественных текстах писателя происходит мастерское варьирование узнаваемых мировых сюжетов, которые

наделялись у него метафорической символикой.

Сказовая форма повествования оттачивалась у писателя в цикле его рассказов под общим названием «Уездное». В этих рассказах русская провинциальная языковая стихия играет всеми красками, передавая читателю богатство лексики, многоголосье интонаций и мелодику устного народного говора. В рассказах с «английской тематикой» язык русской провинции уступает место изысканной стилистике речи англичан-европейцев.

В повествовательной структуре замятинской прозы активно используется техника киномонтажа, принцип которой состоит в том, что рефлексия одного и того же предмета или явления происходит в тексте с различных позиций и ракурсов видения и предполагает множественность его интерпретаций.

Исследование индивидуальной манеры писателя позволяет утверждать, что нарратив Е.Замятина не отличается однородной стилистической структурой. Он широко практикует резкие смены ритма, изложения и описания, применяя все тот же кинематографический прием с использованием крупных планов. Авторский стиль также характерен включением в сюжет параллельно происходящих действий или событий.

Все эти особенности организации замятинского художественного нарратива тесно связаны с мастерским использованием изобразительных возможностей метафоры.

Исследование литературных текстов Е.Замятина дает возможность увидеть, что метафора образует смысловое ядро художественного повествования, принимает функцию «конструктивного элемента текста» (Мильтон, 2009: 131) и является эффективным средством образного воссоздания внутреннего мира героя и действительности. Метафора в замятинском тексте наделяется сквозной структурой и обнаруживается во всех поворотах сюжетного действия.

Замятин увлеченно вступает в интеллектуальную игру со своим воображаемым читателем и в полной мере использует поэтические возможности обыгрывания собственных имен персонажей и географических обозначений. В этой игре немаловажную роль приобретают различные приемы метафоризации, позволяющие разнообразить авторский стиль и сделать его многоаспектным по художественной интерпретации.

Яркая авторская метафора в художественном контексте Е.Замятина, являясь символом частного, давала основу писателю для обсуждения

вопросов и проблем вневременного, вненационального и общечеловеческого значения, что в частности, достигалось с помощью авторского обращения к библейским мотивам и сюжетам. Библейские мифологемы и сюжетные коллизии получали у писателя обращенность к актуальным проблемам современности, позволяя связывать вековое прошлое и дерзкие вызовы сегодняшнего дня. С точки зрения своего построения метафоры образуют в художественном нарративе писателя как бы два семантических ряда, которые сталкиваются между собой и задают «импульс активному движению сюжета» (Мильтон, 2007: 129).

Обращение к началу развития сюжета повестей Е.Замятина «Островитяне» и «Ловец человеков», которые посвящены «британской» тематике, позволяют сделать вывод, что авторский акцент концентрируется на использовании метафор с обобщенным символическим потенциалом. Само название рассказа «Ловец человеков» легко соотносится с известной библейской цитатой, в которой говорится о том, как бывшие рыболовы, став последователями Иисуса, превратились в «ловцов человеков» (Евангелие от Матвея, 2007). Библейская история о «ловцах» человеческих душ, составляющая смысл и пафос христианского первоисточника, пародийно опрокидывается Е.Замятым в гротескный сюжет о современном «ловце человеков» в лице мистера Краггса.

Своей жене, окружающим людям и благонаправленным соседям он кажется довольно удачливым дельцом, успешно занимающимся биржевыми сделками. Однако на самом деле реальным источником дохода мистера Краггса является циничный шантаж своих несчастных жертв. Он бесстыдно использует их испуг, присваивая себе образ «борца с пороком», (Замятин, 1989: 143) и безнаказанно рождает в сознании парализованных от страха людей его прямое сопоставление с самим богом.

Е.Замятин строит метафоризацию образа Краггса, используя особое фонетическое звучание его фамилии. Фамилия героя вызывает в сознании русскоязычного читателя ассоциацию с образом краба, а воображение легко рисует железные клешни и челюсти, беспощадно перемалывающие все подряд. Первые эпизоды повести Е.Замятина убедительно подтверждают этот ассоциативно сложившийся образ, когда Краггс предстает, жадно сосущим крабовые палочки и читающим газету о гибели людей в катастрофах и на кровавых полях сражений.

Е.Замятин подчеркивает, что современный «ловец человеков» воплощает собой неприкрытое лицемерие, беспредельное ханжество и неутолимую жажду наживы. Пародийный эффект достигается тем, что Е.Замятин мастерски переворачивает метафору, и одушевленное приобретает свойство неодушевленного, навсегда избавляясь от своей духовной составляющей. Она становится абсолютно бесполезной во внутреннем мире мистера Краггса, представляющего собой робота, похожего на «короткий чугунный монументик».

В пространстве мистера Краггса и ему подобных нет места сердечности и любому искреннему выражению человеческих чувств. В этом мире очень комфортно чувствуют себя «статуи полицейских», «мраморная Лори» и «кондукторша – матерински бокастая, как булка» (Замятин, 1989: 153). Этому неодушевленному пространству противостоит романтическая тональность Лондона, образ которого сливается с розово-молочным морем, безмятежные отблески которого отражаются в прозрачном небосклоне. Образ британской столицы обращен к чувственной стороне человеческой жизни, и писатель, используя возможности метафоризации, наделяет одухотворенностью неодушевленные предметы и объекты.

Образ Лондона соткан у Е.Замятина из предчувствия любви и одновременно ощущения опасности. По нему неторопливо двигаются первые утренние автобусы, очень напоминающие «сонных слонов», а в мягких лучах вечернего заката устало дремлет «медленный хоровод» черепашек (Замятин, 1993: 132). Искусно использованная метафора порождает новую образность и расширяет круг реалий окружающего мира.

Характерная деталь, подчеркнутая автором, способна выделить доминирующую черту характера героя и высветить сущность его человеческой личности. Линия губ миссис Лори из повести «Ловец человеков» убедительно подчеркивает ее внутреннюю душевную холодность, сравниваясь с занавесью «из легчайшего, но все-таки непрозрачного розового шелка», шнур от которой потерян, и потому возврат к душевной теплоте и искренности для героини невозможен. Подчеркивая уязвимость и душевную тонкость органиста Бэйли из повести «Ловец человеков», Е.Замятин представляет читателю его беззащитную фигуру, «вырезанную из непрочного картона» (Замятин, 1989: 173).

В повести Е.Замятина соотносится не только мир предметный и мир одушевленный, но и че-

ловеческая природа в соотношении с животным миром. Причем животный мир вовсе не означает ограниченность, а напротив, символизирует полноту и многокрасочность реальной жизни. В повести «Ловец человеков» органист Бэйли напоминает молодого жеребенка, в котором чувствуется непреодолимое желание радоваться окружающему миру, в центре которого живет его любимая женщина и горячая страсть к ней. В противоположность ему мистер Краггс беспредельно захвачен жадностью денег, лишен всякой чувственной сферы и потому не включен в круг метафор, соотносящихся с животным миром.

Образ «мраморной миссис Лори» с изгибом губ, напоминающим «тонкую линию розового шелка» (Замятин, 1989: 193), построен на метафоре, содержащей принцип часть-целое, но это далеко не единственный способ метафоризации художественного контекста у Е. Замятина.

В его художественном нарративе активно используется градация определенного доминирующего признака, позволяющая развернуть целую цепочку метафор, каждая из которых дополняет и расширяет контекст предыдущей. Общий облик героя строится у писателя на смысловом контексте метафор, характеризующих его самого и его отношение к миру.

В повести «Островитяне» жизнь викария Дьюли сравнима с поездом, которой движется по рельсам с неизменным расписанием. Его фигура напоминает стройную и отлаженную машину, которая способна любоваться только «портативным солнцем» (Замятин, 1989: 173). В его доме, нет места для душевной теплоты и искренности чувств, и электрические лампы тухнут, «запинаясь лапами в лохматой темноте» (Замятин, 1989: 189), которая воцарилась вместо любви и сострадания и в душе мистера Дьюли.

Градация метафоры, положенная в основу художественного нарратива Е. Замятина, сочетается с антитезным принципом метафоризации текста. В повести «Ловец человеков» «бредовое лондонское небо» с разливающимся по нему «розово-молочным ароматом влюбленности» (Замятин, 1989: 173) безжалостно прорезается огнями прожекторов, пытающихся разглядеть в нем приближение вражеских цеппелинов, несущих лондонцам смерть и разрушение.

Голубизна лондонского неба становится «черно-мозаичной» (Замятин, 1989: 191), и эта антитезная метафора углубляет и расширяет художественный образ, рисуя его в оттенках розово-молочных и черно-мозаичных красок, символизирующих, с одной стороны, беспощадность

смерти, а с другой стороны, – утверждающих веру в красоту и радость жизни.

Метафоризация образа Лондона в художественном контексте Е. Замятина приобретает многозначность и разновекторность читательского восприятия. Лондон может представлять в образе «розово-молочного корабля», медленно плывущего «неизвестно куда» (Замятин, 1989: 153) и погруженного в свои безмятежные сны. Но этот город может «внезапно взбеситься», стремительно набрать скорость, неукротимо мчаться вперед, сметая все на своем пути и прорывая плотину человеческих тел, «поток цилиндров», сбрасывая их в бездонный сток метро. (Замятин, 1989: 168)

Образ британской столицы может неожиданно принять облик узкой безлюдной комнаты, «тысячи дверей которой выметены чумой». (Замятин, 1989: 193) Над этим городом нависает небо, которое воплощает уже «не розово-молочную влюбленность», а принимает черты бредового обрубленного существа, под которым люди – это всего лишь беспомощные муравьи, метущиеся в панике перед неотвратимой катастрофой.

Е. Замятин всегда отстаивал концепт противоречивости человеческой природы, и это очевидно проглядывает почти во всех его персонажах. Адвокат О'Келли из повести «Ловец человеков» лишен веры во что-либо высокое и духовное, его переполняет неприкрытый цинизм и глубокое презрение к человеку вообще, но в то же время ему нельзя отказать в пронизательности, достаточной доли самоиронии, и он не производит впечатление глупого и ограниченного человека.

Метафоризация проясняет технику писательского мастерства и позволяет уяснить способы углубления и расширения этого художественного приема в структуре литературного контекста. С помощью метафоры предметный мир в замятинском литературном тексте обретает способность жить и дышать, словно живое существо, многократно преображаясь и расцветаясь красочной палитрой. С другой стороны, мир живых существ может существовать в координатах неживого, и в мире этой утраченной духовности нет места фантазии, мечтам о прекрасном и романтично-восторженному восприятию жизни.

Метафора включается в систему авторской символики, а использование «стихий интертекстуальности» (Литербарроу, 1996: 143) позволяет преобразовать ординарный и узнаваемый читателем характер в оригинально поданный художественный образ, существующий в коор-

динагах гротескной картины мира, где человеческое бытие связано лишь с механическим функционированием телесного, живущего в мире неодухотворенной предметности.

Использование контекстуально-сопоставительного метода, позволило прийти к заключению, что повествовательное поле «английских» повестей Е.Замятина имеет четко выверенную композиционную конструкцию. Она укладывается в пространственно-временную рамочную форму, которая строится на интегральном смещении повествовательных планов и принципе рационализма.

Психологические типы персонажей Е.Замятина подчеркиваются введением композиционных повторов с использованием приема двойничества и тройничества. Искренность и незащищенность «картонного Бэйли» из повести «Ловец человеков» удваивается образом жеребенка с мягкими губами, нежно «раздвинувшими занавес на губах миссис Лори» и утраивается миром «малиновой вселенной» (Замятин, 1989: 147), в которой господствует любовь. Особый эмоциональный градус замятинского художественного текста рождается органичным совмещением не собственно-прямой речи и изящного книжного стиля.

Е.Замятин был убежден, что словотворчество можно сопоставить с математическим моделированием. В его романе «Мы» жители Единого государства лишены своих имен, имеют лишь присвоенные им «нумера» и живут в геометрическом порядке пронумерованной линии своих домов. Успешно строится великая машина «Интеграл», которая должна распространить их «математически выверенное счастье» на всю вселенную.

Герой романа Д-503, участвующий в постройке этого Интеграла, является математиком, и во взгляде другого человека, в котором он ощущает внутреннюю свободу и непосредственность, ему сразу же видится «раздражающий X» (Замятин, 2003: 73).

Западная критика отмечала оригинальный метод нарратива Е.Замятина и высокий уровень его писательского мастерства. В статьях, посвященных его творчеству, подчеркивалось, что эффект восприятия художественных образов Е.Замятина достигается «гармоничным синтезом ритмических, лексических, звуковых и цветовых средств художественной изобразительности» (Рассел, 1997: 141).

Первые западные рецензии сосредотачивались на анализе общественно-политической

позиции читателя, подчеркивая его антикоммунистические взгляды. Но наряду с таким узким подходом к масштабу его личности, авторы научных работ сразу же подчеркивали высокий уровень писательского мастерства Е.Замятина и оригинальность его художественного метода. Литературный критик Т. Эдвардс считает русского прозаика «художником одного приема» (Эдвардс, 2012: 77) и выражает уверенность, что у писателя «огромное и разнообразное количество произведений подкрепляется единственной техникой, которая называется отстранением, *Fremdmachen*, перспективой несовместимости» (Эдвардс, 2012: 213).

Западная критика признавала у Е.Замятина «непревзойденные способности сатирика и стилиста» (Кинан, 2009: 69) в прозе которого происходит «смещение рационального и иррационального, усмешки и скорби» (Коллинс, 2007: 73). Английские и американские литературоведы признавали значительность Е. Замятина как талантливого и удивительно самобытного писателя и отмечали «стилистическую элегантность и интеллектуальную доблесть, а также дерзкий индивидуализм, отличающие его от других писателей начала XX века» (1993: 161).

Знакомство с публикациями англоязычных авторов позволяет утверждать, что они внимательно исследовали «не только художественную прозу Е.Замятина, но его статьи, лекции и эссе. Художественный нарратив писателя детально рассматривался исходя, из концепции его собственного понимания художественного творчества как такового» (Лахузен, 2004: 44). Авторы англоязычных научных работ, посвященных творчеству Е.Замятина, исследовали проблему преемственности и литературной традиции в его творчестве и находили соприкосновения с его художественным методом и «мировоззренческими концепциями как русских, так и зарубежных авторов» (Хойзингтон, 1993). «Такой подход позволил рассматривать художественное наследие Е.Замятина в историко-литературном контексте, делая объектом тщательного анализа особенности его стиля и системы средств художественной выразительности» (Джолиф, 1999: 29).

Многие западные исследователи также отмечали удивительную способность Е.Замятина облекать художественные образы в математические модели, считая, что «математика используется Е.Замятым для выражения его идеала человеческой ментальной функции, соответствующей судьбе человечества» (Лахузен, 1994: 77).

Западные исследователи сравнили литературное творчество Е. Замятина с лучшими образцами мировой художественной литературы. Им удалось уйти от сугубо идеологического аспекта рефлексии творчества Е. Замятина и сосредоточиться на глубоком изучении философской основы его художественного концепта и особенностей его поэтики.

Англоязычные критики писали о значимом влиянии художественного метода Е. Замятина на творчество представителей западной литературы, также «разрабатывающих жанр антиутопии в лице О. Хаксли, Дж. Оруэлла и других писателей» (Браун, 2007: 211), и находили типологическую общность их литературных текстов. Таким образом, англоязычная филология по достоинству оценила высокую степень литературного дарования Е. Замятина, оригинальность его художественного метода и самобытность творческой манеры.

Заключение

Метафоризация художественного текста придает нарративу Е. Замятина исключительно новаторский характер и сообщает авторской идее мощный импульс, находящий свою реализацию в структуре художественного контекста. Метафоризация авторского стиля включает систему значимых лейтмотивов, повторов и тропов, создающие интегральный образ и подчеркивающие высокую степень писательского мастерства русского автора.

Сочетание интегральных образов в повествовательной структуре текстов Е. Замятина создает сложную метафорическую цепочку, построенную по принципу градации, когда одно звено раскрывает смысл предыдущего или, напротив,

образовывает с ним «антитезную оппозицию» (Литербарроу, 1996: 147).

Интегральный художественный образ строился в произведениях Е. Замятина на основе сведения отдельных деталей и мотивов в единое целое, приобретающее «абстрактное значение символа» (Мильтон, 2009: 134). В результате этого развернутая метафора наделялась семантической емкостью и выразительностью внешней формы.

Метафоризация являлась для писателя эффективным средством создания яркого стилистического рисунка текста, усиливала его глубину, напряженность сюжетных коллизий, динамику действия и придавала жизненность образам персонажей.

Метафоризация художественного текста наделялась в творчестве Е. Замятина значимой функцией точной передачи читателю авторской концепции и сверхзадачи. Улавливая смысл одной метафоры, которая «перекидывает мостик к другой» (Джолиф, 1999: 33), читатель доверчиво идет за автором, постигая стилистику авторского рассказа и входя в художественный мир его героев.

Метафоризация, являющаяся одним из важнейших художественных приемов в произведениях Е. Замятина, помогает донести до читателя неистребимую веру автора в романтику и возвышенные человеческие чувства, хотя и это не отменяет иронический взгляд, умудренного жизненным опытом повествователя, знающего и довольно горькие реалии жизни. Но читателю ясен главный авторский посыл, состоящий в твердой уверенности, что любые чувства, даже перенесенные страдания сохраняют живым сердце, дают силы жить и творить и возвращают человека к самому себе.

Литература

- Давыдова Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы 1910-1930-х годов: Автореф... дис. д-ра филолог. наук. – М.: МГУ, 2001. – 41 с.
- Полякова Л.В. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературный эпохи: Курс лекций. – Тамбов: ТГУ, 2000. – 284 с.
- Гилднер Анна. Англичанин из Лебедяни. Несколько замечаний о жизни и творчестве Евгения Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Материалы четвертых международных замятинских чтений: В 10 кн. / Под ред. Л.В. Поляковой. – Тамбов: ТГУ, 2000. – Кн. VII. – С. 104-106.
- Ehre Milton. Zamjatin's Aesthetics // Zamyatin's We: A collection of critical essays / Ardis, 2007. – P. 130-139.
- Евсеев В.Н. Художественная проза Евгения Замятина: проблемы метода, жанровые процессы, стилевое своеобразие: Учебное пособие. – М.: Прометей, 2003. – 224 с.
- Костылева И.А. Традиции и новаторство в творчестве Е. Замятина (синтез реализма и экспрессионизма) // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд на сегодня: Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: В 2 ч. – Тамбов: ТГПИ, Ч. II, 2013. – С. 101-113.

Pawlowitsch K. A Structural Analysis of Mathematical and in Particular Game-Theoretic Writing The Ohio State University Press. Volume 28, Number 3, 10.1353/nar.2020.0016 Available at <https://muse.jhu.edu/article/765666> Accessed October, 2020. – P. 327-354

Layton Susan J. Zamjatin and Literary Modernism // *Zamyatin's We: A collection of critical essays* / Ed. and Introd. by Kern G. – Ann Arbor: Ardis, 2007. – P. – 140-155.

Collins Christopher *Zamjatin's We as Myth* // *Zamjatin's We: A collection of critical essays* / Ed. and introd. by Kern G. – Ann Arbor: Ardis, 2007. – P. 70-79.

Ким Сонг Иль. Комическое в прозе Е. Замятина: Автореф ... дис. к-та филолог. наук. – СПб., 1995. – 25 с.

Brown E.J. *Brave New World, 1984 & We: An Essay on Anti – Utopia*// *Zamjatin's We: A collection of critical essays* / Ed. and introd. by Kern G. – Ann Arbor: Ardis, 2007. – P. 209-227.

Warner W. B. A General Model of Realist Fictional Narrative Johns Hopkins University Press. 10.1353/elh.2020.0030. Volume 87, Number 3, Fall. Available at <https://muse.jhu.edu/article/764067> 2020. – P. 855-880.

Russel R. Literature and Revolution in Zamjatin's My // *The Slavonic and East European Review*. – London: Vol. 51. – № 122., 1997. – P. 36-46.

Noisington Sona S. The Pushkin Presence in Zamyatin's My // *Journal of the North American Pushkin Society*. – 1993. – Vol. 82- №2. – P. 151-165.

Ло Ливей. Е. Замятин и Ф. Достоевский. Культурно-исторические истоки романа Мы. Автореф ... дис. к-та. филолог. наук. – М., : 1994. – 27 с.

Зюлина О. В. Повествовательная структура прозы Е. И. Замятина: Автореф... дис. к-та наук. – М.: 1996. – 136 с.

Резун М. Малая проза Е.И. Замятина Проблемы поэтики: Автореф ... дис. к-та филолог. наук. – Томск: 1993. – 21с.

Jolliffe J. *Newcastle's Soviet Heretic Spectator*. – London: 9/II (№8170), 1999 – P. 27 – 39.

Cooke Olga Muller *Bely's Moscow Novels and Zamyatin's Robert Mayer: A Literary Response to Thermodynamics* // *Slavonic and East European Review*. – London: Vol. 63. – №2, 1985. – P. 194-210

Воробьева С.Ю. Роман Е. Замятина «Мы»: поэтика диалогического // *Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра: Сб. науч. тр / Отв. ред., сост. Проф. А.И. Ванюков*. – Саратов: Саратовский университет, 2001. – С. 154-158.

Скалон Н.Р. Дуальные оппозиции в романе Е. Замятина «Мы» // *Художественная литература, критика, и публицистика в системе духовной культуры*. – Тюмень: ТГУ, 2001. – Вып.5. – С. 110 -115.

Лахузен Т., Максимова Е., Эгдрус Э. О синтетизме, математике и прочем. «...»: Роман «Мы» Е.И. Замятина: К столетию Е.И. Замятина. – СПб.: «Сударыня»; Астра-Люкс, 1994. – 116 с.

Richards D.J. *Zamyatin: A Soviet Heretic*. – London: Bowes & Bowes, 2003. – 112 p.

Parente F., Conklin K., Guy G.M. The role of empirical methods in investigating readers' constructions of authorial creativity in literary reading. Available at <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0963947020952200> Accessed September, 30. 2020. – P. 21-36.

Edwards T.R.N *Three Russian writers and the Irrational: (Zamyatin, Pilnyak and Bulgakov)*. – New York: Cambridge University Press, 1999. – 220 p.

Орлицкий Ю.Б. Преодолевая метрический стандарт (Стиховое начало в прозе Е. Замятина) // *Кредо*, 1994, № 8. – 17 с.

Желтова Н. Ю. Проза Е.И. Замятина: Поэтика русского национального характера: Автореф ... дис. к-та филолог. наук. – Тамбов: 1999. – 23 с.

Аксёнова Н.В. Мужские образы в рассказе Е. Замятина «Ловец человек» // *Молодой ученый*. – 2015. – № 10 – С. 361-363.

Замятин Е.И. Избранные произведения. – М.: Худож. лит., 1989. – 262 с.

Замятин Е.И. Мы: Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания – Кишенёв, 1993. – 407 с.

References

Aksyonova N. (2015) Muzhskie obrazy v rasskaze E. Zamyatina «Lovets chelovekov» [Male images in E. Zamyatin's short story « The Catcher of Men»] *Molodoy uchyonyi*, pp. 361-363 [in Russian].

Brown E., Zamyatin (1988) *Brave New World, 1984 & We: An Essay on Anti – Utopia, Zamjatin's We: A collection of critical essays* ed. and introd. by Kern G. Ardis. – pp. 209-227.

Collins Christopher (1988) *Zamyatin's We as Myth, Zamjatin's We: A collection of critical essays* ed. and introd. by Kern G. Ardis – pp. 70-79.

Cooke Olga Muller (1985) *Bely's Moscow Novels and Zamyatin's Robert Mayer: A Literary Response to Thermodynamics Slavonic and East European Review*, Vol. 63. – №2 – pp. 194-210.

Davydova T. (2001) *Tvorcheskaya evolutsiya Evgeniya Zamyatina v kontekste russkoy literatury 1910-1930-h godov* [The Creative Evolution of Yevgeny Zamyatin in the Context of Russian Literature of the 1910s and 1930s]. – p. 41. [in Russian].

Edwards T.R.N. (1982) *Three Russian writers and the Irrational: (Zamyatin, Pilnyak and Bulgakov)*. Cambridge University Press – p. 220.

Ehre Milton. (1988) *Zamjatin's Aesthetics, Zamyatin's We: A collection of critical essays* / ed. and introd. by Kern G. Ardis – pp. 130-139.

Evseev V.N. (2003) *Khudozhestvennaya proza Evgeniya Zamyatina: problemy metoda, zhanrovye protsessy, stilevoe svoeobrazie: Uchebnoe posobie*. [Yevgeny Zamyatin's Artistic Prose: problems of method, genre processes, stylistic originality: A textbook]. Prometey – pp. 70-79.

- Gildner Anna. (2000) Anglichanin iz Lebedyani. Neskol'ko zamechaniy o zhizni i tvorchestve Evgeniya Zamyatina [The Englishman from Lebedyan. A few comments on the life and work of Yevgeny Zamyatin]. *Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: Nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy. Materialy chetvertykh zamyatinskikh chteniy: v 10 kn.* [The creative heritage of Yevgeny Zamyatin: a view from today: Scientific reports, articles, essays, notes, theses. Materials of the Fourth International Zamyatin readings: In 10th book]. TSU – pp. 104-106.
- Hoisington Sona S. (1993) The Pushkin Presence in Zamyatin's *My*. *Journal of the North American Pushkin Society*, Vol. 82 – №2. – pp. 151-165.
- Jolliffe J. (1985) Newcastle's Soviet Heretic. *Spectator*, 9/II (№8170) – p. 27.
- Kim Song Il'. (1995) *Komicheskoe v proze E. Zamyatina* [The comic in prose by E. Zamyatin]. Spb. – p. 125.
- Kostilyova I.A. (1994) Traditsiyi i novatorstvo v tvorchestve E. Zamyatina (sintez realizma i expressionizma) [Traditions and innovation in the work of E. Zamyatin (synthesis of realism and expressionism)]. *Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad na segodnya: Nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy. V 2 ch.* [The creative heritage of Evgeny Zamyatin: a look at today: Scientific reports, articles, essays, notes, theses: In 2 p.]. TSPI, Part II. – pp. 101-103.
- Lakhuzen T., Maximova E., Egdryus. E. (1994) O sintetizme, matematike i prochem [About synthetism, mathematics, and so on]. Roman «*My*» E.I. Zamyatina: k stoletiyu E.I. Zamyatina [The novel «*We*» by E. I. Zamyatin: To the centenary of E. I. Zamyatin]. «*Sudarynya*», «*Astra-lux*» – p. 116.
- Layton Susan J. (1989) *Zamjatin and Literary Modernism. Zamyatin's We: A collection of critical essays*. Ed. and introd. by Kern G. Ardis.
- Lo Livey (1994) E. Zamyatin i F. Dostoevskiy. Kul'turno-istoricheskie istoki romana *My* [E. Zamyatin and F. Dostoevsky. Cultural and historical origins of the novel *We*]. – p. 140.
- Orlitskiy Yu. B. (1994) Preodolevaya metricheskii standart (Stikhovoe nachalo v proze E.Zamyatina) [Overcoming the Metrical Standard (Verse Beginning in the prose of E. Zamyatin)].
- Parente F., Conklin K., Guy G.M. (2020) The role of empirical methods in investigating readers' constructions of authorial creativity in literary reading. Available at <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0963947020952200> Accessed September, 30. – pp. 21-36.
- Pawlowsch K. A (2020) Structural Analysis of Mathematical and in Particular Game-Theoretic Writing The Ohio State University Press. Volume 28, Number 3, 10.1353/nar.2020.0016 Available at <https://muse.jhu.edu/article/765666> Accessed October, – pp. 327-354
- Polyakova L.V. (2000) *Evgeniy Zamyatin v kontexte otsenok istorii russkoy literatury XX veka kak literaturnoy epokhi: Kurs lektsiy* [Evgeny Zamyatin in the Context of Assessments of the History of Russian Literature of the XX Century as a Literary Epoch: A course of lectures]. TSU – p. 284.
- Rezun M. (1993) *Malaya proza E.I. Zamyatina Problemy poetiki* [Small prose by E. I. Zamyatin Problems of poetics]. Tomsk. – p. 153.
- Richards D.J. (1962) *Zamyatin: A Soviet Heretic*. Bowes & Bowes. – p. 112.
- Russel R. (1973) Literature and Revolution in *Zamjatin's My*. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 51. – № 122. – pp. 36-46.
- Skalon N.R. (2001) Dual'nye oppozitsiyi v romane E. Zamyatina «*My*» [Dual oppositions in E. Zamyatin's novel «*We*»]. *Khudozhestvennaya literatura, kritika i publitsystika v sisteme dukhovnoy kul'tury* [Fiction, criticism, and journalism in the system of spiritual culture]. TSU, Release 5 – pp. 110-115.
- Vorob'yova S. Yu. (2001) Roman E. Zamyatina «*My*» poetika dialogicheskogo [E. Zamyatin's novel «*We*»: the Poetics of the dialogical]. *Russkiy roman XX veka: Dukhovnyi mir i poetika zhanra: Sb. nauch. tr.* [Russian novel of the XX century: The Spiritual world and the poetics of the genre: collection of scientific papers]. Ed. by A.I. Vanyukov, Saratov University – pp. 154-158.
- Warner W. B. (2020) A General Model of Realist Fictional Narrative Johns Hopkins University Press. 10.1353/elh.2020.0030. Volume 87, Number 3, Fall. Available at <https://muse.jhu.edu/article/764067> – pp. 855-880.
- Zamyatin E.I. (1989) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. – p. 262.
- Zamyatin E.I. (1989) *My: Roman, povesti, rasskazy, p'esy, stat'i i vospominaniya* [*We: Novel, novellas, short stories, plays, articles, and memoirs*]. Kishinev.
- Zheltova N.Yu. (1999) *Proza E.I. Zamyatina: Poetika russkogo natsional'nogo kharaktera* [E. I. Zamyatin's Prose: Poetics of the Russian National Character]. Tambov – p. 140
- Zyulina O.V. (1996) *Povestvovatel'naya struktura prozy E.I. Zamyatina* [Narrative structure of E. I. Zamyatin's prose]. – p. 136.